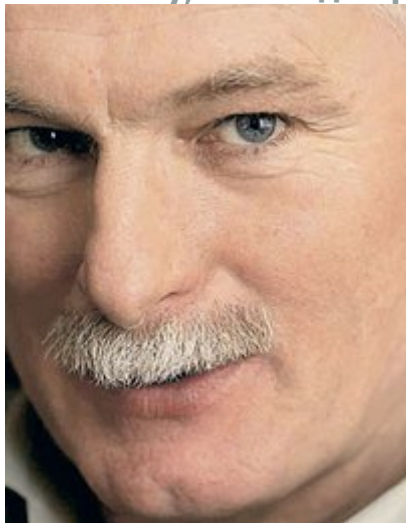

Неучтенные потоки

- **Василий Скалон.**

Более 20 миллионов человек в России занимаются отходничеством: зарабатывают на жизнь за пределами своего постоянного места обитания. Несмотря на свой значительный вклад в национальную экономику, эти люди практически выключены из социальной системы

Юрий Плюснин

Фото: Светлана Постоенко

Об отходниках почти ничего не знают ни ученые, ни чиновники. Эти люди «живут на два фронта»: сезон — в столице, сезон — дома, в провинции. В результате их обходят вниманием и там и там: социальная политика не принимает этих людей в расчет, им не достается многих общественных благ, и даже социологи почти не занимаются их изучением. Тем не менее специалисты, не понаслышке знакомые с жизнью глубинки, хорошо знают об этом феномене, имеющем многовековую историю. «Эксперт» беседует на эту тему с **Юрием Плюсниним**, одним из ведущих специалистов по теме отходничества, заместителем заведующего лабораторией муниципального управления при факультете ГиМУ НИУ-ВШЭ.

— **Давайте уточним, кого социологи считают отходниками.**

— К отходникам мы относим всех людей, которые ездят на заработки за пределы территории постоянного обитания, но в силу временных издержек вынуждены задерживаться там и заводить временное жилье. Они как бы существуют в двух местах: в одном — дом с семьей и хозяйством, в другом — съемное жилье с работой. При этом человек не собирается переезжать туда, где работает. Просто «промышляет в

отходе». Важно, что на месте постоянного проживания недостаточно источников для жизнеобеспечения семьи.

— *Какая доля населения охвачена сегодня отходничеством?*

— По моим наблюдениям, в некоторых регионах от трети до половины всех семей вовлечено в этот процесс. Это порядка 30–40 процентов трудоспособного населения. Навскидку скажу, что в девяностые годы отходники являлись, а может, и сейчас являются кормильцами примерно для 20 миллионов семей (в России всего около 50 миллионов семей). Но точных оценок нет ни у кого.

—

— *Какие российские регионы дают наибольшие потоки отходников, какие, наоборот, больше всего притягивают их к себе?*

— Сегодня, как и до революции, уходят в основном в столицы, а также в крупные областные города, промышленные центры. Среднее расстояние отхода сейчас, по моим прикидкам, — ночь на поезде, день на автомобиле, то есть 300–600 километров. И регионы-«доноры» остались те же — север и центральная полоса европейской части России. То есть места, где довольно трудно вести сельское хозяйство. На юге отходников очень мало. Мало их и в тех регионах, где много рентного населения, сидящего на шее у государства. Традиционно мало в Сибири.

— *Почему получается так, что где-то отходничество более выражено, а где-то менее?*

— Тут несколько причин. Например, в Сибири плотность населения ниже, значит, больше каких-то местных ресурсов, меньше конкуренция за землю. Потом, в Сибири гораздо меньше крупных городов и они дальше друг от друга. Следовательно, во-первых, до них дольше ехать, во-вторых, в них сложнее прокормиться. В Сибири раньше чуть ли не единственным видом отхода был извоз: расстояния большие, товаров много. Но так было только до Транссиба, после и извоз исчез.

Важно, что в имперские времена тот же Томск, Барнаул, Тюмень, Омск или Иркутск были небольшими городками, где значительную часть населения составляли рабочие заводов и фабрик. При этом все горожане вели домашнее хозяйство, почти ничем не отличавшееся от крестьянского. Промышлять в таких городах было нечем.

Мы в этом году собираемся провести исследование, чтобы понять, чем занимаются отходники сейчас, сколько их и чем занимались они на той же территории сто лет назад. Это должно быть интересное сравнение.

— А что, до революции соответствующая статистика велась?

— Конечно, и она была очень точной. Практически по каждому уезду можно найти земскую статистику, в которой указано, кто из жителей в отхожем промысле и где. Вот, к примеру, расклад направлений и расстояний отхода в одном из районов типичной «отходнической» губернии, Костромской. В пределах 150–200 километров менее 30 процентов (это все занятые извозом), от 200 до 500 километров — 42 процента, а далее свыше 500 километров — 22 процента, причем шли не только в Москву и Санкт-Петербург, но и в Архангельск, и в Тифлис.

Насколько я вижу, в наше время отходничество возникает прежде всего на тех же территориях, где оно было распространено и в имперское время. В этом смысле можно говорить о наличии некоей социальной памяти. Ведь прошло три, четыре поколения, изменилась жизнь, а люди мгновенно вспомнили, какие модели жизнеобеспечения практиковали их предки. Вот Торопец или Чухлома яркий тому пример: там почти все население сегодня в отхожем промысле, как и до советских времен.

— Может быть, отходничество — это похожая реакция на похожие условия?

— Условия важны, но, мне кажется, прежде всего важна традиция. Например, до советского времени в Чухломе ресурсов было мало, а население — относительно велико, и почти все оно было в отхожем промысле. В ближайших же городах, в Солигаличе и Галиче, отхожий промысел значительно менее развит. Там своих ресурсов было больше, в Солигаличе давали доход соляные варницы, в Галиче и заводы были, да и дорога. Но в советские времена условия везде были созданы равные. Когда эти времена закончились, доля бюджетников, получающих стабильный доход, везде осталась примерно одной и той же. Тем не менее Чухлома первой ушла в отход, а не Солигалич и не Галич, которые и до сих пор значительно отстают в этом плане. При этом люди ведь не читали книжки об отходничестве, может быть, даже и не знают, что их деды этим кормились.

—

Люди идут в отход обязательно от бедности? Или потому, что хотят заработать какие-то крупные суммы — на квартиру, машину?

— Те, кто едет за длинным рублем, например шабашники, это уже не отходники. Отходничество — это чистое жизнеобеспечение, нужда. А если добыть дополнительные ресурсы можно на месте, то зачем в

отход идти? Яркий пример из наблюдений в Архангельской области. На Белом море в Онежском заливе жители прибрежных деревень имеют весьма скудные источники заработков, но не идут в отход, потому что сезонная добыча водоросли анфельции для производства агар-агара за август позволяет им заработать на весь год. Это тоже промысел, но на месте.

— В каких сферах в основном работают сегодня отходники?

— Поскольку сегодня, как и всегда, уходят преимущественно в столицы и областные города, то выполняются те массовые работы, которые требуются в столицах. Это строительство — наиболее профессиональная и доходная сфера, перевозки, работа в сфере услуг и охранниками. Это все, что касается мужчин. Но среди отходников немало и женщин. Мне кажется даже, доля женщин растет. Они работают преимущественно в сфере услуг.

— Сколько денег они привозят в семьи из своих поездок?

— Статистики как таковой вообще нет. По моим расчетам, от 15 до 30–40 тысяч рублей, потому что меньше не имеет смысла. Можно прикинуть по ценам, которые просят местные за работу у дачников, которую они ассоциируют с работой в городе. Судя по тому, что 20 тысяч рублей для них много, можно предположить, что это считается суммой, ради которой стоит ехать. Соответственно, чтобы привезти домой 20–30 тысяч, в городе отходнику надо зарабатывать примерно 30–40. Подобные суммы звучат и в подслушанных разговорах и соответствуют косвенным оценкам. Кто-то, наверное, хвастался, про кого-то известно. Подтверждает мои выводы и то, что местные власти оценивают доходы отходников так же: ожидаемая зарплата отходника в крупном городе — 40 тысяч. Мы планируем более подробно исследовать этот вопрос.

Изменилась жизнь, и люди мгновенно вспомнили, какие модели жизнеобеспечения практиковали их предки

—

А как отходники влияют на экономику того региона, где у них остается семья? И наоборот, на экономику населенных пунктов, в которых они работают?

— Если опираться на нашу оценку, можно считать, что отходники приносят в экономику региона, где живут, больше денег, чем те, кто зарабатывает на месте.

Конечно, как экономическая ситуация в городе определяет отходничество, так и «экспорт трудовых ресурсов» влияет на местную

экономику: наличие возможности уйти в отход повышает зарплатные требования местного населения, что не может не сказаться на местном бизнесе и структуре занятости.

Основные отходники платят там, где работают. В общем-то эти люди и социальных услуг не получают. Если на бюджетников и пенсионеров распространяются различные льготы, субсидии, доплаты, то на отходников — разве что через членов их семей. То же самое и с дотациями из государственного бюджета: коммунальные услуги, мусор, баня, медицина и прочее разверстываются на всех жителей, но отходники-то этих услуг не потребляют. По крайней мере дома.

Обратите внимание: в местной политической жизни тоже участвует только пассивное, получающее ренту население, а активные люди, самостоятельно зарабатывающие деньги, из нее исключены.

—

Но почему, если отходничество такое широкомасштабное явление, им никто не занимается?

— А зачем? Государству вообще-то не мешает такое положение вещей. Ну да, муниципалитет недополучает налоги. Но ведь он получает за отходников дотации, которых, как правило, в разы больше, чем было бы от них налогов. Поэтому муниципальной администрации отходники даже полезны. И чем больше отходников, тем лучше. Пусть все население уйдет на заработки, и совсем будет здорово. Ведь оно учтено здесь, на месте, а социальное государство выделяет средства на его жизнеобеспечение по месту постоянного жительства. Средства выделяются в общей массе и по статьям: на ЖКХ, на школу, на здравоохранение и так далее. Вот выделили в каком-нибудь поселке на 12 тысяч жителей 105 миллионов рублей на год, получается по 8,5 тысячи на человека. А из населения четыре тысячи отходников. Выходит, 105 миллионов не на 12, а на восемь тысяч жителей, то есть уже 13 тысяч на человека. Вот такая экономия.

— Как же можно исправить такое положение вещей?

— Почему «исправить»? Для меня феномен отходничества свидетельствует не о том, как надо бы сделать, а о том лишь, что общество очень целесообразно реагирует на внешние воздействия. Вот изменились условия жизни. Вроде бы все плохо, демографическая ситуация... Но на самом деле общество тут же «вспоминает» какую-то модель поведения, действовавшую, может, много веков назад, и появляется, например, отходничество. Снова изменятся условия — исчезнет отходничество, появится что-то новое.

